

А.Ф. Илимбетова

Роль и место кукушки в доисламских верованиях башкир*

A.F. Ilimbetova

Role and Place of the Cuckoo in Pre-Islamic Beliefs of the Bashkirs

В религиозно-мифологических воззрениях башкир кукушка фигурирует как вещая птица, обладающая сакральной силой влиять на судьбы, здоровье людей, предсказать продолжительность их жизни. Однако в них кукушка выступает также и в роли грозной птицы, приносящей людям горе, несчастье, смерть. В башкирской родоплеменной номенклатуре выявлены роды «кукушка». В башкирском празднике «Кукушкин чай» прослеживаются основные элементы тотемического праздника.

Ключевые слова: тотемизм, культ, обряды, обычаи, легенды, кукушка.

В башкирских сказках, легендах, поверьях и приметах кукушка выступает в ипостаси вещей птицы. Ей приписывается способность предсказать продолжительность жизни человека. Для этого башкиры обращались к кукушке и начинали считать ее кукование. Сколько раз она прокукует без перерыва, столько лет проживет тот или иной человек (Полевые материалы автора – ПМА. 2000). По поверьям башкир, кукушка обладает даром оказать благотворное влияние на здоровье людей. Весной при первом куковании кукушки суеверные люди падали на землю и, катаясь по земле, обращались к кукушке: «Дай телу и духу здоровья и много лет жизни!» [1, с. 158].

В то же время в религиозно-мистических представлениях башкир кукушка фигурирует как грозная птица, приносящая людям горе, несчастье. Признаком приближения какой-то катастрофы, беды, предстоящей смерти воспринимался полет кукушки над головой человека (ПМА. 2005). Так же интерпретировался прилет кукушки в деревню. Если она облетала над усадьбой, садилась на крыши домов, надворных построек или на деревья во дворе, куковала – к смерти главы или одного из членов семьи (ПМА. 2001), голоду [2, с. 193]. Нежелательной была встреча с кукушкой в пути. Если вблизи куковали одновременно несколько кукушек или кукушка пересекала в полете дорогу перед путником – к неудачной

In the religious-mythological outlook of the Bashkirs the cuckoo appears as a prophetic bird, possessing sacral power to influence on a fate, health, to predict length of one's life. On the other hand, in such beliefs the cuckoo acts as a formidable bird yielding misfortune, disaster, death to people. There were some tribes called «cuckoo» among Bashkir clan nomenclature. Basic elements of the totemic holiday are traced in the Bashkir holiday named «Cuckoo tea».

Key words: totemism, cult, customs, legends, cuckoo.

дороге, несчастью. Отрицательную подоплеку имеет и сон о кукушке. Если человек во сне услышит кукование кукушки – не к добру (ПМА. 2000). Кукушка несла гибель не только людям, но также животному и растительному миру. В частности, об этом свидетельствуют приметы, зафиксированные этнографами и фольклористами у башкир: прилет кукушки весной до распускания листьев на деревьях, ее первое кукование на самой верхушке дерева или до первого грома – к засухе, неурожаю, тяжелому году [2, с. 133, 145]. Во время сбора полевых материалов в 2001 г. в Кувандыкском районе Оренбургской области нами было записано поверье, заслуживающее внимание в свете анализируемой проблемы: «Кукушка знает заранее, за три-семь лет, о предстоящей смерти человека» (ПМА. 2001).

Исследователи видят истоки формирования подобных умозаключений о кукушке в том, что она некогда была олицетворением души (или переносчицей душ) человека [3, с. 31; 4, с. 90]. Связь вышеописанных явлений с образом мышления первобытных людей о кукушке как о воплощении души человека или дарительнице и переносчице душ очевидна. Но в целом ограничить суть культа кукушки только рамками анимистических мировоззрений древних людей, как нам кажется, не представляется возможным. Ведь в них объектами сакрализации и почита-

* Статья публикуется при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-11-02012 «Гендерный аспект в запретах и предписаниях традиционной культуры тюркских народов Урало-Поволжья».

ния являются реальные кукушки, а не их символы или субституты.

В башкирской фольклористике и этнографии накоплено немало материалов, подкрепляющих этот тезис: в них кукушка чаще всего выступает в качестве благодетельницы и покровительницы людей. Так, при первом куковании кукушки ее заклиняют словами: «Дай счастья!» [5, с. 237], «К добрым вестям!» [6, с. 162] или рекомендовалось шарить по карманам, произнося про себя заговорные слова: «Пусть водятся деньги!» [7, с. 83].

В вышеприведенных предрассудках башкир ясно видно, что верующие обращались с мольбами о ниспослании благополучия не к душам предков в облике кукушки, а непосредственно к самой необычайной птице; не души предков с внешностью кукушки дарят людям удачу, счастье, богатство и указывают безопасные места для постоянного жительства, а чудотворные кукушки.

Итак, мы видим, что в религиозных мировоззрениях башкир кукушка представлялась не толькоместилищем или воплощением души человека (предков), но и сама была объектом веры и поклонения, сверхъестественным существом, орнитоморфным божеством. Как известно, представления о зооорнитоморфных божествах сложились на базе эволюции умозаключений о тотемических предках – мифических родоначальниках, покровителях сообществ первобытных людей, патронах инициаций. Их пережитки обнаруживаются и в культе кукушки у башкир.

Еще в недавнем прошлом среди башкир имел широкое бытование взгляд на кукушку как на птицу, способную помочь молодым людям в устройстве их брачных отношений, обеспечить плодородие почвы и скота. Они верили, что если положить в карман любимого человека кусочек ветки, на которой сидела кукушка, коснуться этой веточкой возлюбленного, то у того человека загорится сильная ответная любовь [7, с. 82]. Если кукушка сразу же после прилета прокукует, сидя на нижней ветке дерева, – быть урожайному году. Услышав в первый раз голос кукушки, падали навзничь на землю и брали в руки с земли то, что попало: окажется в ладони травинка – к богатому урожаю; шерстинка – скот размножится [2, с. 132, 133, 194]. Как нам представляется, эти этнографические и фольклорные раритеты составляют осколки древнейших воззрений о кукушке как о тотемическом первопредке – покровительнице плодородия людей, земли и скота.

Именно восприятие кукушки как тотемического предка было одной из причин генезиса табуации кукушки у башкир. Ее запрещали убивать, в противном случае это принесет виновнику несчастье, горе, беду [2, с. 58]. Если человек убьет кукушку-самца, то в его семье умрет человек мужского пола, а при убийстве кукушки-самки должна умереть женщина или девушка

(ПМ Ф.Ф. Алимбетова, 1969, с. 29). Под страхом неминуемой кары запрещалось трогать и разбивать ее яйца [8, с. 127].

Табу на убийство кукушки у башкир мотивировалось тем, что кукушка – это человек в птичьем обличье. Поэтому и нельзя ее губить. Так, в легенде башкир «Кэкук» («Кукушка») повествуется о том, что в очень давние времена на одно из башкирских племен напали враги. Батыр по имени Кэкук собрал всех джигитов и выступил против врагов, оставив дома возлюбленную девушку по имени Карагаш (Чернобровая). С того сражения никто не вернулся живым. Карагаш не поверила в гибель Кэкука. Когда родители хотели выдать ее замуж за нелюбимого человека, она задумала бежать. Но ее схватили и заточили в зиндан (тюрьма). Тогда она взмолилась: «Птицей бы полететь к любимому!» Желание девушки тотчас же сбылось – она превратилась в птицу и выпорхнула через окно темницы. Перелетая от дерева к дереву, от горы к горе, стала звать любимого: «Кэк-кук! Кэк-кук!». С тех пор она и летает по миру, жалобно повторяя имя своего возлюбленного. Если и снесет яичко, терпения у нее не хватает высидеть – все время ищет она Кэкука. Вот эту птицу, что постоянно кличет «Кэк-кук!», люди стали называть кукушка [9, с. 43–44].

И сегодня некоторые информаторы уверяют: «Кэкук – кеше балаһы» («Кукушка – дитя человеческое») (ПМА. 2000), «Кэкук – катын зарлы булғанға, кэкук – кош та зарлы» («Кукушка – женщина печальная, поэтому и кукушка – птица печальная») [2, с. 58].

Все эти мотивы свидетельствуют о том, что в глубокой древности у предков башкир существовала вера в возможность метаморфозы человека в кукушку, убеждение об их (несмотря на очевидные различия) взаимной тождественности – наиболее характерные черты тотемического образа мышления о почитаемых животных и птицах.

Общепризнано, что важнейшей составной частью тотемического мировоззрения является идея о происхождении человека, группы людей от тотема. Хотя в изученных нами источниках отсутствуют генеалогические мифы или предания, возводящие корни того или иного рода (племени) до отдаленного тотемического предка – кукушки, это вовсе не означает, что у древних башкир и у тех народов, с которыми они вошли в этнокультурные контакты в различные периоды своего исторического развития, не было таких представлений. Веским аргументом в пользу этого положения следует рассматривать сохранение в башкирской родоплеменной номенклатуре родов кэкук-түңгәүер (кукушки-гангаурцы) и кэкук-кыуакан (кукушки-куваканцы). Эти родовые этнонимы, как отметил в свое время фольклорист А.Н. Киреев, указывают на прямую тотемическую связь их носителей с кукушкой [10, с. 51–52]. Несомненно, они относятся к рудиментам суждений предков башкир о тождестве

и родстве их с кукушкой, происхождении их от единого тотемического предка – кукушки.

Данный вывод получает дополнительное подкрепление тем фактом, что у башкир и сегодня бытует ежегодное проведение праздника, посвященного кукушке, тотемический характер которого у ученых-религиоведов и этнографов не вызывает сомнения.

Так, еще недавно у башкир, в основном у бурзянцев, тангауров, кыпсаков и усерган, практиковалось ежегодное проведение в конце мая – начале июня (в месяц кукушки – «кәкүк айы») [10, с. 51–52] праздника «Кәкүк сәйе» («Кукушкин чай»). Традиционно кукушкин чай – это праздник женщин и детей всего села.

В каждом населенном пункте были свои организаторы праздника. Обычно это была пожилая женщина, знающая правила проведения торжества. Она одевалась в пестрое платье и украшенный монетками красный камзол-безрукавку. На ее голову были наброшены два платка: один платок с пришитыми по краям медными круглыми бляшками – накидывался на голову в развернутом виде и покрывала всю спину, а другой – повязывался косынкой. Поверх платков надевала шапочку с высокой тульей [2, с. 193, 197–198].

Как правило, организаторы устанавливали дату проведения праздника по времени прилета и голосу кукушки. Когда ее голос становился особенно звонким, они объявляли: «Кукушка зовет, идем на кукушкин чай!». Ежегодно праздник проводился на одном и том же месте: на красивой лесной поляне, на берегу реки под высокими тополями, на склоне или вершине горы [5, с. 196].

Накануне обрядового действия дети собирали по деревне продукты, заглядывая в каждый дом. Хозяйка одаривали их, чем могли: выносили им молоко, масло, крупу, толокно, яйца, сдобные лепешки, приготовленные в кипящем животном жире или масле, мелкие вещи для подарков и т.д. В день торжества празднично одетые женщины, старухи и дети шли на место проведения «Кәкүк сәйе». Праздник начинался с умиловления кукушек: под корни тополей, на которых куковали кукушки, дети поливали молоко, катык (кислое молоко), клали яйца. Пожилые женщины читали молитвы, смотря на вершины тополей, просили у кукушек даровать изобилие пищи, мира и благополучие роду. А потом дети подбирали хворост, сушняк для разведения костра. Девочки собирали кукушкины цветы («кәкүк сәскәһе») и ставили их в посуде в центре площадки. Молодые женщины приступали к кипячению чая, варке супа или каши. В Кувандыкском районе Оренбургской области женщины на праздник приносили пироги с начерченной по сырому тесту фигуркой кукушки [2, с. 193–194].

Пока кипятился чай, варился суп молодежь играла в различные игры. Люди располагались на полянке группами и готовили праздничный стол. Старые

женщины, рассаживаясь кругами, рассказывали поучительные истории, легенды, сказки о кукушке. После коллективной трапезы все внимательно слушали и считали кукование кукушки. Дети обращались к кукушке с вопросом: «Певучая кукушка, скажи, пожалуйста, сколько лет я проживу?». И начинали громко считать кукование кукушки. Девушки молча гадали по крику кукушки о своем суженом: если она прокукует непрерывно долго – выйдет замуж за красивого жениха, мало – за некрасивого. Затем начинались игры и веселье. Взрослые играли в отдельном кругу от детей. Любимыми играми были «Ак тирәк, күк тирәк» («Белый тополь, голубой тополь»), «Йәшерәм яулык» («Прячу платок»), «Өс бүкән» («Три стула») и др., бег в запуск, прыжки, перетягивание каната между командами девушек и молодых женщин. Женщины исполняли популярные в данной местности песни о кукушке [11, с. 63].

Участницы праздника исполняли танцы, подражая движениям кукушки. В недавнем прошлом в юго-восточных районах Башкортостана почти в каждой деревне были свои мастерицы-исполнительницы этой пляски. Мужской вариант танца «Кәкүк бейеүе» («Кукушкин танец») подробно записан этнографом Л.И. Нагаевой. При его исполнении собирались несколько кураистов, которые играли мелодию «Кәкүк» («Кукушка»). Под эту музыку танцор пускался в пляс. Танец состоял из двух частей – быстрой и медленной. Начинался он на быструю часть музыки. Исполнитель плавно шел по кругу, раскинув, словно крылья, руки. Затем он останавливался возле кураиста и кричал три раза с наклоном корпуса: «Кә-күк! Кә-күк! Кә-күк!» При этом танцор по-птичьи резко поворачивал голову то в одну, то в другую сторону. Соединенными сзади ладонями исполнял короткие взмахи вправо, влево, изображая движения хвоста птицы. На медленную часть музыки исполнитель садился на землю, изображал горе, плакал, в отчаянии хватал руками голову, показывал на сердце, закрыв глаза, вертел головой. Затем вновь начиналась быстрая музыка. Плясун мгновенно приходил в себя, принимал веселый, бодрый вид и снова плавно шел по кругу, раскинув руки. Остановившись, он энергично дробил ногами и, откидывая полы зияяна («селән» – «халат»), кричал: «Кә-күк! Кә-күк! Кә-күк!» На медленную мелодию снова горевал, плакал, склонив голову... Так повторялось несколько раз. В конце пляски исполнитель будто лишился голоса, он имитировал звуки, издаваемые кукушкой при прочищении горла, вертел головой, пытался крикнуть «ку-ку». Затем танцор три раза кричал «ку-ку», громче, чем обычно, дробил ногами, и этим заканчивался танец. Наиболее архаичная форма «Пляски кукушки», по мнению Л.И. Нагаевой, сохранилась в Абзелиловском и Баймакском районах Республики Башкортостан. На медленную часть музыки исполнитель пел протяжную песню о кукушке.

Танец продолжался до тех пор, пока танцор не спел всех куплетов песни [12, с. 190].

Текст песни, исполняемой танцором, был записан в 1966 г. в с. Аскарново Абзелиловского района Башкортостана этнографом Ф.Ф. Илимбетовым от информаторов М.Ш. Мирхайдарова, 1902 г.р. и С.З. Мирхайдаровой, 1910 г.р. В песне речь идет об обращении исполнителя танца с просьбами, мольбами к кукушке, чтобы она не куковала и не пролетала над его головой, не садилась на его голову. Танцор выражал свое огорчение тому, что кукушка предсказала ему жить на этом свете всего-навсего сорок-сорок один год, высказывал свое сомнение в благополучном возвращении ушедших на войну односельчан-друзей, так как одновременно прокуковали две кукушки. У информатора М.Ш. Мирхайдарова была записана еще одна, очень важная деталь «Пляски кукушки»: в конце танца его исполнитель имитировал акт жертвоприношения, представляя себя как жертвенного барана, и раздавал присутствующим различные части своего тела. При этом он обращался к каждому: «На, тебе вот эта часть (рука, ляжка, грудинка и т.д.), ешь!» [1, с. 160].

Завершающими актами праздника «Кәкүк сәйе» были вручение наиболее активным участникам соревнований и игр призов из собранных от населения мелких вещей. Один из организаторов праздника раздавал детям по цветочку из посуды, поставленной в центре площадки в начале праздника. Остаток пищи с пожеланиями благополучия, здоровья и счастья всему роду, обильных урожаев и плодovitости скота оставляли под корнями тополей [1, с. 196].

Праздник «Кәкүк сәйе» выражает, по мнению А.Н. Киреева, стремление древних башкир с помощью жертвоприношения священной птице вызвать и умилоствить дух тотема (кукушки) и тем самым добиться благополучия для всего рода [10, с. 51–52]. Л.И. Нагаева считала, что данный обряд восходит своими корнями к культам плодородия, природы, растительности и птиц [11, с. 63, 127–128]. М.Н. Сулейманова видит в этом празднике следы анимистических воззрений о превращении душ умерших в кукушку, культа предков и птиц у древних башкир [13, с. 100]. Но вместе с тем нельзя не видеть, как правильно подметила Л.И. Нагаева, что «празднество отражает связь с тотемическими верованиями древних башкир» [11, с. 128]. Аналогичной точки зрения придерживалась и автор этих строк в одной

из своих ранних работ, посвященной культу кукушки у башкир [1, с. 161].

Весь вышеизложенный материал склоняет нас к мысли, что в «Кәкүк сәйе» объектом поклонения являются не дух кукушки-тотема, не души умерших в облике кукушки, а сами кукушки: участницы праздника обращаются в своих заклинаниях: «изге кәкүк» («священная кукушка»), «моңло кәкүк» («певчая кукушка») или просто «кәкүк» («кукушка»). Сходство почти всех элементов обряда «Кәкүк сәйе» с тотемическими праздниками башкир и народов Сибири и Дальнего Востока (например, «Айыу туйы» – «Медвежий праздник») позволяет делать вывод о том, что он в прошлом был обрядовым действием, направленным на чествование кукушки-тотема, на котором его участники пели тотемические песни, исполняли тотемический танец кукушки, т.е. выполняли ритуалы размножения тотемной птицы, проявляли заботу о ней, в частности, оставляли на пнях жертвенную пищу. Как далекий отзвук причащения тотемом можно принять коллективное чаепитие, поедая пироги с рисунками кукушки, «раздачу» танцором (воплощением тотемического предка) частей своего тела присутствующим и раздаривание детей кукушкиными цветками (олицетворениями кукушки). Спортивные состязания, игры, рассказы пожилых женщин о поучительных историях, легендах и преданиях о кукушке можно истолковать как элементы древнего обряда «посвящения» девушек в группу полноправных членов женского коллектива.

Завершая исследование реликтов культа кукушки у башкир, надо отметить, что прямых данных для определения времени зарождения и начального центра иррадиации этого явления и соответствующей культуры не имеется. Их рудименты в основном сохранились в мифологии, обычаях и обрядах урало-алтайских народов. Отдельные проявления культа кукушки обнаружены в бытовых и фольклорных традициях тибетцев, китайцев, албанцев, русских, украинцев, белорусов, сербов, германо-швейцарцев, немцев, норвежцев, литовцев и латышей. Не претендуя на решение данной проблемы, на основе этнографических и фольклорных материалов и культурно-исторических соображений с крайней осторожностью можно выдвинуть в качестве рабочей гипотезы предположение, что генезис культа кукушки произошел в урало-алтайской этнокультурной среде.

Библиографический список

1. Илимбетова А.Ф. Кукушка – птица вещая // Бельские просторы. – 2001. – №4.
2. Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. – Өфө, 1995. – Т. 1.
3. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978.
4. Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М., 1972.
5. Рухи мирас: Свердловск башкорттарының фольклоры. – Өфө, 2008.
6. Намар, Нарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазиһәһе. – Өфө, 2008.

7. Экспедиция материалдары-2006: Борай районы. – Өфө, 2008.
8. Экспедиция материалдары-2003: Йылайыр районы. – Өфө, 2006.
9. Башкорт халык ижады. Риүәйәттәр, легендалар. – Өфө, 1997. – Т. 2.
10. Киреев А.Н. Культ птиц в обрядовой поэзии башкирского народа // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1978. – Вып. 5.
11. Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. – Уфа, 1999.
12. Нагаева Л.И. Культ птиц в башкирской народной хореографии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978–1979 гг. – Уфа, 1980.
13. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. – Уфа, 2005.